

В.Я. Бутанаев

Культ богини Умай у хакасов.

// Этнография народов Сибири. Новосибирск: 1984. С. 93-105.

Жизнь хакасов до Великой Октябрьской революции была подчинена обычаям, обрядам и поверьям, которые поддерживались шаманством. Особое место в комплексе религиозных верований хакасов занимал древний культ богини Умай.

Этот культ был широко распространён среди других тюркоязычных народов Саяно-Алтая (шорцы, алтайцы и телеуты). В реликтовой форме он встречается у киргизов, узбеков и сибирских татар. [1] Учитывая большой научный интерес к культу богини Умай, одного из древнетюркских божеств, мы предлагаем новый материал по этому вопросу, собранный нами среди хакасов.

Культ Умай был широко распространён среди всех хакасских племенных групп за исключением кызыльцев, живущих на севере Хакасии. [2]

Богиня Умай по-хакасски называется Ымай идже. По представлению хакасов, она не видима для людей и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от болезней. Считалось, что если грудной ребёнок упадет, то ему не будет слишком больно, ибо Ымай идже его «поддержит», если во сне младенец улыбается, значит она с ним играет, если вздрагивает и плачет — пугает. В последнем случае Ымай идже «успокаивают» словами «хурай, хурай», а ребёнку смазывают рот маслом, чтобы задобрить и «накормить» богиню Умай. По верованиям хакасов, богиня Умай была хранительницей детских душ, которые находились у неё в «храме» — в горе Ымай-тасхыл.

Ымай идже представляли полной седовласой старушкой, жалостливой и ласковой к людям. Вероятно, поэтому сагайцы её называли Пай идже, т.е. богатая, добрая мать, или Улуг ах ине — Великая белая мать.

По объяснению старииков, слово ымай в хакасском языке обозначает душу (или жизненную силу) грудного ребёнка. Считалось, что вместе с рождением младенца появляется его ымай. Когда кончался грудной возраст, т.е. после двух-трёх лет (раньше хакаски кормили грудью до двух-трёх лет), ымай, в представлении хакасов, превращался в хут — жизненную силу взрослого человека. Считалось, что ымай находится у пуповины или под родничком головы ребёнка. [3] Видимо, в связи с этим некоторые качинцы родничок, а сагайцы пуповину также называли ымай.

Наряду с этим сагайцы термином ымай (пала ымайы) называют послед (ср. общехакасское название пала инез! или пала иджез! 'мать ребёнка'). Очевидно, что в данном случае ымай заменяет собой слово ине или идже 'мать'.

Последу хакасы придавали особое значение, ибо считалось, что он сохраняет плод в утробе матери и от него зависит судьба ребёнка. Хакасы верили, что если во время беременности женщина не соблюдала обычая (например, перешагивала через верёвки, коновязь и т.д.), то пала идже может задушить ребёнка пуповиной. Существовал обряд ымай тойы (саг.) или пала инез!ниң тойы (кач.) — обряд «кормления» и захоронения последа.

Роды принимала специальная повивальная бабка инейджи, которая и обрезала пуповину. Пуповину клали на берестяную палочку ах тахпай и перерезали ножом (у мальчиков) или ножницами (у девочек). В это время инейджи произносила: «Ымай идже, режем пуповину! охрани и закрепи её!». Если у повитухи ранее при принятии родов умер ребёнок, то она,

обрязая пуповину, должна сказать: «Не моя рука режет, а рука Ымай идже, это не моя доля, а счастье Ымай идже!» Считалось, что таким образом от ребёнка отводится несчастье.

До тех пор пока послед не выйдет, пуповину не обрезали. Если послед задержался, то инейджи уговаривала его: «Торопись, мать ребёнка, твой малыш плачет!».

После обрезания пуповины послед мыли водой, смазывали маслом и, положив в берёсту, хранили у изголовья кровати три дня. На третий день устраивали сүгдек — почётное захоронение последа. На обряд «кормления» и захоронения последа собирались только старики и старухи. Они приносили с собой подарки для ребёнка. Мальчику обязательно дарили три стрелы ух, а девочке три перламутровых пуговицы тана.

Отец ребенка выкапывал в юрте ямку, причем для последа девочки — на женской половине юрты, а мальчика — на мужской. Необходимо было выбрать такое место, куда никто не будет наступать (под кроватью, сундуками, полками или под стеной). Считалось, что если захоронить послед в месте, где ходят люди, то ребёнок вырастет морально подавленным. Если захоронить его мелко (на глубину ниже голени), то женщина будет часто рожать, если глубоко (выше колена) — то редко. Если захоронить послед вниз пуповиной, то женщина больше не сможет рожать.

«Кормление» и захоронение последа выполняла инейджи. Она застилала дно ямки белым войлоком или берёстой. Затем аккуратно укладывала послед в белый войлочный или матерчатый мешочек и опускала его в ямку. Считалось, что если последу будет холодно, то и роженица тоже будет мёрзнуть. Вместе с последом клали и берестяную палочку, па которой резали пуновину. Вокруг последа втыкали девять щепочек и намазывали их специально подготовленной кашей из сметаны иней потхзы. Поверх него по кругу укладывали семь палочек, также намазанных кашей. Посредине последа клали серебряную монету. В некоторых местностях, например в аале Усть-Сос, при захоронении последа мальчика делали лучок со стрелой и погребали вместе с ним.

Приготовленный к захоронению послед инейджи окунивала в городской травой ирбен, брызгала вином и посыпала крупой, солью и табаком, произнося: «Кури, ешь и пей, бабушка! Пусть твой ребёнок также будет сыт и здоров!» Затем послед сверху закрывали белой материей и засыпали. Белые мешочек и покрывало, а также лучок со стрелой, девять и семь берёзовых палочек должны были «охранять» послед.

Похоронив послед, инейджи три раза обводила роженицу по солнцу вокруг этого места. Каждый раз, обойдя «могилу» последа, роженица ногой наступала на место захоронения, произнося: «Ымай идже, охраняй своих детей! Мать моего ребёнка (пала идже), пусть твои дети будут здоровы! Пала идже, пусть окрепнет моя поясница! Мать моего ребёнка, дай мне свои силы!» После этого собравшиеся старики и старухи приступали к трапезе. Они ели обрядовое блюдо иней потхзы и пили обрядовое вино иней арагазы. По этикету, все должны были смеяться и сохранять весёлое выражение лица.

Если в семье дети умирали в раннем возрасте, то послед солили и высушивали. Он хранился в сундуке и являлся своеобразным оберегом ребёнка.

Когда женщина страдала бесплодием и хотела иметь ребёнка, то совершали обряд ымай тартар ‘притягивать ымай’. Его мог проводить только сильный шаман пугдур, имеющий чистых духов-помощников арыг тёс.

Камлание совершалось в ночь новолуния (ах толы). Для этого обряда выкапывали с корнем

молодую берёзу и помещали её в юрте на мужской половине в углу между средними (ортын параан) и головными (пас параан) сундуками. Проносили её не через дверь, а через дымовое отверстие. Под берёзку стелили белую кошму, на которой устанавливали маленький столик. На него ставили деревянную красную чашечку. Шаман наливал в чашечку специально приготовленное молоко, надоенное от белой коровы непорочной девушки, и закрывал его белой тряпичкой или белой бумагой. Кололи белого ягнёнка жертвенным способом ёзеп, т.е. разрезали диафрагму и рукой разрывали аорту. Затем варили в воде казана правую сторону грудины, а на пару — лёгкие и сердце. Перед камланием горячее жертвенное мясо пулаг — два правых верхних ребра, голову, сваренную вместе с шерстью, позвонки, правую ногу, лёгкие и сердце — клади в корытце, которое устанавливали на столик под берёзой. Из мяса шел пар оор-пус, предназначенный для «кормления» Ымай идже. К берёзовой ветке привязывали хуруг ымай [4] — три нитки длиной приблизительно полметра: одна — серебряная мишурная ах алтын, вторая — зелёная шёлковая кок ч!бек и третья — белая кручёная шёлковая ах ч!бек или красная шёлковая хызыл ч!бек. К свободным концам серебряной и белой ниток привязывали раковину каури (у сагайцев — серебряную монету). За зелёную шёлковую нить прикрепляли бронзовую самодельную пуговицу (у сагайцев — раковину каури и пуговицу). По представлению хакасов, хуруг ымай притягивает к себе богиню Умай, которая якобы в образе белой птички ах хусахачах прилетает и садится на раковину каури чылаңмас. [5]

Женщина, над которой совершали обряд, садилась на белую кошму, растянутую на почётном месте у огня от пазы. Ей повязывали белый платок, который она должна была носить три дня.

Приступая к камланию, шаман облачался в свой костюм, стоя на белой кошме. По канону он вызывал сначала своих духов-помощников, которые придавали шаману особенную силу. Затем он благословлял огонь, упоминая, что богиня огня От идже и богиня Ымай идже — две сестры. Шаман, кланяясь, обходил три раза огонь, каждый раз бросая туда по кусочку сала. Только испросив разрешения у богини огня От идже, кам «отправлялся» в поход за душой ребёнка. Он якобы уносился вместе с помощниками из юрты в далёкие страны, поднимался ввысь до облаков, перелетал через высокие горные хребты и т.д.

В этом обряде участвовали девять невинных юношей и семь непорочных девушек, которые повторяли за шаманом все его действия. Это делалось в целью привлечь внимание Ымай идже, так как считалось, что она любит смотреть на представления. «Достигнув» священной горы Ымай-тасхыл, где, по хакасским поверьям, обитала хранительница душ Ымай идже, шаман обращался к горе:

На правом своем плече я принёс большой турсук вина,
Открой, пожалуйста, свои золотые двери, Ымай-тасхыл!
На левом своем плече я принёс белого жертвенного барабанка,
Открой, пожалуйста, свои золотые врата. Ымай-тасхыл!
Пропусти меня во внутрь своего храма. Ымай-тасхыл!
Я привёл с собой семь невинных дев.
Я взял с собой девять чистых парней,
Большую игру мы покажем.
Глава девяти парней Толбан Хара!
Глава семи дев Чилбен Хара!
Девяносто различных песен исполните!
Семьдесят разных мелодий пропойте!

В этот момент старик — хозяин горы Ымай-тасхыл якобы заглядывался на игру молодежи и ничего не замечал вокруг. Шаман, воспользовавшись этим, «проникал» внутрь горы Ымай-тасхыл, где будто бы находилась Ымай идже. Держа бубен за спиной, он кланялся и просил встречи с ней (в этот момент брызгали вином и поднимали поднос с жертвенным мясом). Шаман произносил следующие слова:

Ымай идже — Пай идже!
Твоё место сотворения —
Земля, где никогда не вянут травы!
Земля, где никогда не желтеют деревья!
Хурай, хурай, хурай!
Ымай идже — Пай идже!
Ты защитница пасущегося скота!
Ты душа черноголового (т.е. хакасского. — В.Б.) народа!
Ради того, чтобы не прервалось семя,
Ради того, чтобы не кончилось потомство,
Чувствуя большую нужду, прося безвинную душу,
Я пришёл к тебе,
Ымай идже хайрахан!

Считалось, что после долгих уговоров к шаману выходила Ымай идже и проводила его внутрь горы Ымай-тасхыл, где, по хакасским представлениям, на стенах многочисленных ходов висели колыбели с душами детей: души девочек — коралловые бусины суро, а мальчиков — стрелы ух. Согласно обряду, шаман, выбрав душу и прикрепив её к бубну, быстро «возвращался» опять через дымоход в юрту. Он сначала кланялся берёзке, где находилась хуруг ымай, и благословлял:

Притянутая из белой ясности (т.е. неба. — В.Б.),

Сминавшись с белым золотом.
Подвязавшись белой шелковинкой,
С белым молоком от белой коровы,
Ты притянулась, превратившись в белый ымай!
Превратившись в белую птичку,
Щебеча пиджир-паджир,
Ты спустилась на крону богатой берёзы,
Имеющей золотые листья!
Притянутая из голубой ясности,
Подвязавшись зелёной шелковинкой,
Имеющая аорту из медной пуговицы,
С голубым молоком от голубой коровы,
Ты притянулась, превратившись в голубой ымай!
Превратившись в голубую птичку,
Чирикая пиджин-паджин,
Ты опустилась на крону богатой берёзы,
Имеющей серебряный ствол!
Ымай идже хайрахан!

Затем шаман обращался к огню:

От атан, от атан!

Тридцатизубая От ине!

Вместе с Ымай идже вы две сестры были!

От атан, от атан!

Сорокозубая Хыс ине!

Вместе с Ымай идже вы имеете один язык!

Положив на белую досточку,

Вы перерезали мою чистую пуповину!

Под синеющим небом,

Над раскинувшейся землей

Нет ничего величественнее вас!

От атан, от атан!

Во время этих молитв шаман обводил женщину три раза сначала вокруг берёзки, потом вокруг огня. Женщина каждый раз, обойдя огонь, кланялась ему и бросала по кусочку сала, завёрнутого в белую и красную ленточки.

После камлания шаман ставил чашку с освящённым молоком на голову женщины и три раза обводил хуруг ымай по солнцу вокруг неё, говоря: «Хурай, хурай, хурайларым хут ползын!» Одновременно, перевернув бубен над женщиной, он три раза ударял в него, как бы стряхивая принесённую душу ымай в молоко. После этого кам опускал в молоко привязанные к хуруг ымай раковину каури и бронзовую пуговицу со словами: «Ах чылаңмас чулалыгзын, хола марха хуттыгзың!» — ‘Ты имеешь душу из белой раковины каури, ты имеешь жизненную силу из бронзовой пуговицы’. Опущенные предметы якобы притягивали и указывали дорогу Ымай идже, которая, по верованиям хакасов, посыпала кровь и плоть ребёнка в виде белой птички. Потом женщина брала в рот раковину каури от хуруг ымай и медленно выпивала молоко из чашки. Причем чашку держал шаман, а женщина крепко зажимала уши обеими руками. Считалось, что таким образом душа ребёнка ымай вместе с молоком попадало к женщине и она «становилась беременной».

После того как женщина выпивала молоко, шаман гадал, три раза бросая чашку на землю. Если она падала вверх дном, то это плохое предзнаменование (хара тор!к), если наоборот — камлание будет успешным (ах тёр!к).

Заканчивая обряд ымай тартарга, шаман предсказывал, какой будет ребёнок и какова его судьба. За камлание он получал денежную плату асты, шкуру и мясо жертвенного ягнёнка холга и подарки ахтаг.

После совершения обряда в течение трёх дней из юрты ничего не выносили. На третий день с берёзки снимали хуруг ымай и до рождения ребёнка хранили его завёрнутым в белую материю в шкатулке, находящейся у изголовья кровати. Обрядовую берёзку выносили через дымовое отверстие и садили где-нибудь в лесу. Хакасы верили, что если она не засохнет, то в этой семье будут расти дети.

Иногда бездетные женщины обращались за помощью к женским каменным изваяниям иней тас, составлявшим ранее своеобразный колорит хакасских степей. Возможно, эти каменные бабы являлись изображением богини плодородия, которая, на наш взгляд, соответствует Умай. Самая почитаемая иней тас находилась в долине р. Ниня около аала Хыргыстар.

Каждый год в июне совершали иней тайих ‘жертвоприношение старухе’ или хыргыс тайих ‘киргызское жертвоприношение’. Голову иней тас повязывали красным шёлковым платком, губы мазали маслом и сметаной, а перед ней клали семь хакасских сыров пызылах, семь хариусов и семь кусков жертвенного мяса. Собравшийся народ кланялся ей, а руководитель обряда говорил:

Наша мать хыргыс иней тас!
Мы пришли к тебе в гости!
Ты нам плохого не делай,
Не обижайся на проходящих!
Помоги женщинам родить детей!
Пусть они не мучаются при родах!
Пусть будет счастье нам в воспитании детей!
Пусть будет крепкой жизнь нашего черноголового народа!
Помоги нам быть многодетными, иметь скот и быть здоровыми!

Женщины, страдавшие бесплодием, должны были три года подряд ходить на обряд иней тайих, после чего якобы молитвы будут приняты каменными изваяниями.

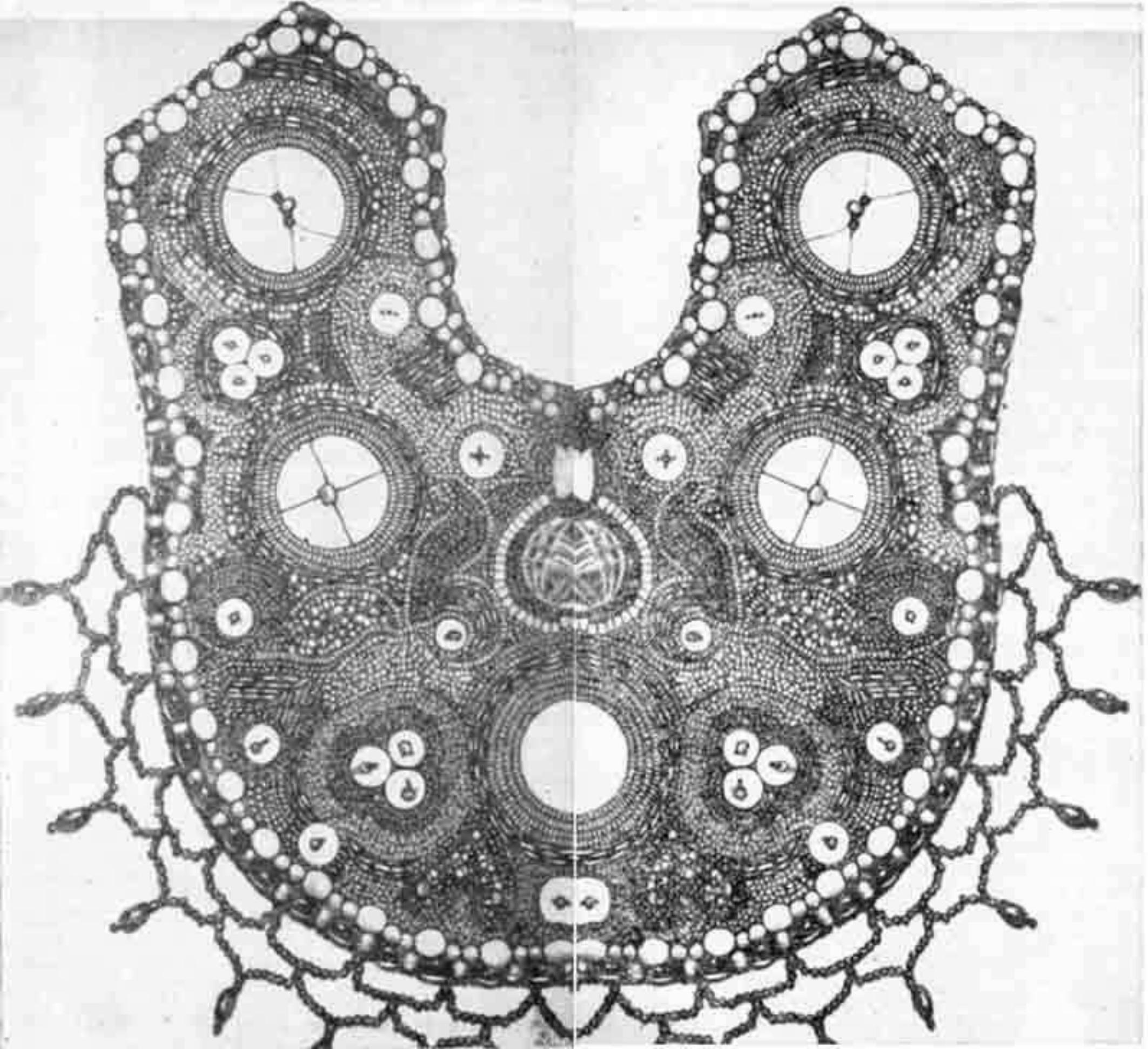
Вполне вероятно, что именно изображение богини Умай мы встречаем на хакасских нагрудниках пого, которые надевают свахи на свадьбу (см. рисунок). В настоящее время никто из хакасов не помнит значения этих старинных нагрудников. Однако при внимательном изучении рисунка пого становится ясным, что здесь имеется стилизованное изображение лица каменных баб (окуневского времени). Значит, надевание нагрудника пого на свадьбу было связано с культом богини Умай, которая якобы даёт души детей. Таким образом молодой семье желали иметь потомство. Не зря сваха благословляла: «Пусть на задний подол наступает скот, пусть передний подол топчут дети, пусть перед очагом всегда будут дрова, пусть за очагом всегда будет качаться колыбель!».

Когда в семье часто умирали дети, это объясняли тем, что в жилище обосновалась хара ымай — чёрная ымай, т.е. «чёрная» часть души умершего ребёнка. В таком случае совершали обряд ымай чабырарга — подавлять ымай. Шаман должен был изгнать из юрты хара ымай и притянуть ах ымай — белую ымай.

Камлание совершали ночью при старом месяце. Огонь в юрте тушили перевёрнутым котлом. В темноте и жуткой тишине кам начинал «искать» хары ымай. Причем хара ымай девочки он «искнал» на женской половине, а мальчика — на мужской. В конце концов кам «ловил» хара ымай, которая вдруг голосом умершего ребёнка (импровизация шамана) начинала плакать, причитать, не желая покидать юрту родителей. Но кам не поддавался на уговоры. Он бил в бубен, как бы вбивая в него хара ымай. Затем шаман якобы отправлялся в страну мёртвых, или к Ледовитому океану, или в горы Ыргах-Таргах, где и «отряхивал» хара ымай и для надёжности «запирал» ее там.

На следующий день изображение хара ымай, сделанное из глины, дерева или тряпок, одевали в войлочную шубку и, посадив на плотик, пускали по реке, произнося: «Спускайся по устью девяти морей!» При этом в воду бросали раковину каури, которая была привязана к хуруг ымай умершего ребёнка.

После обряда ымай чабырарга (подавлять ымай) следовал обряд притягивания ах ымай, который почти полностью повторял описанный выше обряд, совершающийся при бесплодии. Главное отличие заключалось в том, что при бесплодии камлал сильный шаман пугдур, «отправлявшийся» за душой ребёнка на Ымай-тасхыл, а в обряде притягивания ах ымай мог участвовать рядовой шаман пулгос, который практиковал «кражу душ» у здоровых

детей на Тувы, Алтая, Шории или других хакасских племенных групп. По-хакасски это называлось ымай талирга — разбивать ымай.

Подразумевалось, что шаман подкрадывался к какому-нибудь многодетному семейству и у спящего ребёнка выхватывал душу ымай. В этот момент ребёнок должен был вскрикнуть от испуга, тогда кам тихо ударял по бубну и, успокаивая ымай, произносил «хурай, хурай». Считалось, что ребёнок, у которого была «украдена жизненная сила ымай», обречён. Если тело и рот умершего от неизвестной причины ребёнка были посиневшими, то это было признаком «проделок» шамана.

«Вернувшись» в юрту, шаман приказывал открыть приготовленную чашку с молоком. Затем один раз ударял по бубну и, произнося «хурай», «стряхивал» ымай в молоко. По хакасским поверьям, женщина, выпившая это молоко, проглатывала душу ребёнка. Обряд притягивания ах ымай обычно совершали во время беременности женщины, у которой часто умирали дети.

Считалось, что шаман мог определить внешность будущего ребёнка: если он «разбивал ымай» у русских, то должен был родиться ребёнок, похожий на русского, если у тувинцев — на тувинца. Шаман строго наказывал матери, чтобы её будущий ребёнок никогда не появлялся в местах «кражи» его души — иначе ребёнок заболеет и умрет.

Если женщина была в положении, то в качестве оберега шаман ставил ей иней тёс — фетиш богини Умай, предназначенный для беременных. Изготавливали иней тёс из берёзовой ветки, лицо делали из красной тряпицы. Ставили её на женской половине юрты под кроватью или под полками посуды у двери. Беременная женщина весной, осенью и при болезненном состоянии кланялась и «кормила» её сметанной кашей потхы, окуривала богородской травой ирбен и брызгала айранным вином арага. По верованиям хакасов, этот фетиш помогал при родах, поэтому его ставили рядом с роженицей.

У хакасов существовал ряд поверий, связанных с попыткой «защиты» детей от болезней и злых духов. Над изголовьем колыбели новорождённого привязывали хуруг ымай вместе со сделанным из берёзы лучком и стрелой. Хуруг ымай висела над колыбелью до трех месяцев, а затем её опять, завернув в белую материю, прятали в шкатулку или сундук. На девятый день каждого месяца брали хуруг ымай и, закрыв ладонью родничок ребёнка, три раза обносили её над головой со словами «хурай, хурай». Считалось, что после этого ребенок не будет пугаться. Начиная с трёх месяцев мать ребёнка для «защиты» его от всякой нечисти и от испуга совершала ещё и обряд обкуривания, который по-хакасски назывался ызырых. На девятый день каждого новолуния поклонялись богине огня От идже и бросали в огонь три кусочка сала. Затем на железном совочке воскуривали богородскую траву ирбен, клали туда же девять зёрен ячменя или девять щепоток крупы и семь щепоток соли. Мать, обкуривая ребёнка, произносила:

Ымай идже, ызырых-ызырых!
Тридцатизубая От ине!
Сорокозубая Хыс ине!
Ты охраняешь ночью,
Ты оберегаешь днём!
Не пыли пеплом,
Не пугай детей!
Я прошу и молюсь тебе,
Если зайдёт чёрт, огради!
Если зайдёт злой дух, прогони!

Ымай идже, ызырых-ызырых!

Обряд ызырых считался сильным средством против нечистой силы.

Если ребёнок кричал во сне, боялся, то считали, что Ымай идже перестала его оберегать (ымай чиктепче). В таком случае приглашали шамана и он совершил обряд хурый, т.е. обносил вокруг ребёнка хуруг ымай и призывал Ымай идже:

Если ребёнок очень сильно заболел, то причину этого видели в потере души хут. По хакасским верованиям душа ребёнка обычно терялась во время сна от сильного испуга или вследствие действия враждебных сил, которые хитростью перехватывали её из рук Ымай идже. В таком случае шаман творил обряд притягивания ымай (ымай тартарга), идентичный описанному выше обряду, совершаемому при бесплодии. Только в этом случае, по представлениям хакасов, шаман отправлялся на поиски потерявшейся души и, найдя её, возвращал больному — стряхивал в молоко, которое давали ребёнку. Если ребёнок был грудной, то это молоко могла выпить и мать, ибо через материнское молоко оно доходило до младенца.

Когда дети часто болели, делали изображение богини Умай, которое по-хакасски называлось чеек ымай. [6] Это небольшая кукла, вырезанная из берёсты с косами из белых конских волос (у сагайцев — из конопли), одетая в голубое платье. Делали её родители, но освещалась [освящалась] она (чуртха орнап) шаманом. Хранили чеек ымай в специальной шкатулке ах абдыра, находящейся над изголовьем кровати пас параан на мужской половине юрты. Здесь же хранили её красную чашечку и деревянную ложечку, а также маленький лучок со стрелой. Лучок изготавливали из берёзы, тетиву — из шёлковой нитки, а трезубый наконечник стрелы — из жести.

С двух-, трёхмесячного возраста до двух-трёх лет ребёнка каждый месяц на седьмой день новолуния родители совершали обряд ымай тойы (пиршество ымай), который заключался в «кормлении» чеек ымай (отсюда и её название, имеющее значение «прожорливая ымай»). Хакасы верили, что если чеек ымай не покормить вовремя, то она будет сердиться, перестанет охранять ребёнка и даже начнет мстить. Поэтому боялись её прогневить.

Для обрядового кормления ымай тойы специально готовили сметанную кашу потхы. Доставали из шкатулки чеек ымай, садили у колыбели и в руках её укрепляли лучок со стрелой. Перед чеек ымай клали ее красную чашечку и ложечку. Затем в чашечку накладывали потхы и начинали «кормление». Сначала три ложечки киши бросали в огонь, затем мазали губы чеек ымай и после этого три ложечки каши давали ребёнку. Если это был мальчик, то также обмазывали кашей лучок и стрелу. Чеек ымай обкуривали богоугодской травой и говорили:

Ымай хадым, Пай хадым!
Ты имеешь поводья из красной шелковинки,
Ты имеешь пищей белую раковину каури,
Рот и язык крепко держи!
Ты лежишь только полночи,
Ты спишь только полночи.
На левое колено садишь детей,
Ты крепко держишь лук со стрелой,
Ты не видима для всякой нечисти.
Ночью будь сторожем,
Днем будь охранницей!

На обрядовое кормление ымай тойы приглашались все соседские ребятишки. После того как «поест» чеек ымай, всех детей кормили сметанной кашей.

В том случае, если при «кормлении» чеек ымай ребёнку нездоровилось, то брали лучок со стрелой и стреляли ему в грудь. Таким образом якобы убивали злых духов болезни, вселившихся в ребёнка.

Если дети часто умирали в раннем возрасте, то родители незаметно воровали атрибуты богини Умай — лучок со стрелой, хуруг ымай или чеек ымай из благополучной семьи. Благополучие связывали с ымай, которая служила оберегом (хухя) ребёнка: сильная ымай не давала шаману украсть душу младенца. Шаману для камлания нужна темнота, а чеек ымай, как представляли хакасы, освещала ночью юрту и тем самым оберегала ребёнка.

Заканчивая наше описание культа богини Умай у хакасов, приходим к выводу, что этот древний культ связан с рождением и обереганием грудного ребёнка. По представлениям хакасов, богиня Умай — это «духовная» мать всех детей, живущих на земле, хранительница детских душ и покровительница беременных и рожениц.

В связи с тем, что, согласно хакасским верованиям, «хранилище душ» богини Умай находилось в горе Ымай-тасхыл, расположенной в Саянах, возможна версия Саяно-Алтайского происхождения этого культа. В пользу такого предположения свидетельствует то, что жертвоприношения каменным изваяниям (иней тас), отождествляемым нами с изображением богини Умай, хакасы называли кыргызскими. Автор надеется, что представленный материал расширит знания о духовном мире хакасов и выявит новые стороны их историко-культурных связей с народами Южной Сибири и Центральной Азии.

Примечания

- [1] Дыренкова Н. Умай в культе турецких племён. — Культура и письменность Востока, 1928, кн. 3, с. 134-139; Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — В кн.: Тюркологический сборник 1972. М., 1973, с. 265-286; Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Казань, 1980, с. 198-199.
- [2] Термин Умай в качинском диалекте звучит Омай и Ымай, в сагайском — Умай и Ымай. В хакасском литературном языке принятая форма Ымай.
- [3] Родничок имел общее название чулай и, может быть, происходит от слова чула 'душа-хозяин человека'.
- [4] Хуруг Ымай — букв. сухой ымай. Название связано с тем, что хуруг Ымай по своей природе относилась к белым, чистым духам и её не надо было «кормить» и умилостивлять.
- [5] У хакасов считается, что раковина каури обладает свойством притягивать душу ребёнка. Поэтому в качестве оберега её пришивали к воротнику одежды детей.
- [6] В основном чеек ымай делали качинцы.